

ПЕРВАЯ НОЧЬ

Velimir Ashen

Ночной

Velimir Ashen

Первая ночь

«Автор»

2026

Ashen V.

Первая ночь / V. Ashen — «Автор», 2026 — (Ночной)

Ночь в городе - это время, когда всё лишнее исчезает. Остаётся только тишина, редкие огни и мысли, от которых днём легко спрятаться. Он просто водитель такси. Слушает, везёт, забывает. Люди приходят и уходят, оставляя после себя обрывки чужих жизней, признания, сомнения, решения, которые меняют всё. Обычно это не его история. Но иногда достаточно одной поездки, чтобы что-то изменилось. Когда привычные вещи вдруг теряют смысл. Когда понятная жизнь больше не кажется своей. Когда впереди не страх, а пустота, в которой ещё ничего нет но уже можно дышать. «Первая ночь» - это тихая, атмосферная проза о моменте между «было» и «будет». О людях, которые не знают друг друга, но на короткое время оказываются рядом. И о том, как иногда самая важная перемена происходит в тишине. Если вам близки истории в духе медитативного городского реализма, где главное - не события, а ощущение, то эта книга оставит след.

© Ashen V., 2026

© Автор, 2026

Velimir Ashen

Первая ночь

Заказ пришёл в 00:48, когда я уже собирался сняться с линии. Сиденье в начале смены казалось настолько удобным, что хоть сутки в нём сиди, а стало каким-то от чего спина уже начала ныть от усталости, но адрес был почти по дороге, и я взял.

Пока ехал к точке, наблюдал, как город переходит с вечернего состояния в ночное. Баров закрытых становилось больше, на дороге попадаются больше такси, чем обычные машины, редкие пешеходы двигаются по тротуарам, нет толпы и потока. Это всегда заметно в это время ночи, как из людей что-то общее уходит и остается своё и каждый несёт это в себе, не смотря на других.

Я люблю этот час, не из-за того что красиво, хотя бывает, а потому что понятно. Это единственное время суток, когда город честен насчёт себя, видно, сколько людей не спит и по каким причинам, куда едут. Днём это всё смешивается, и не разберёшь где что. Ночью каждый случай отдельный.

Бизнес-центр на Садовой. Здание из стекла и гранита, широкие ступени, словно сделаны специально для ощущения, чтоходишь во что-то масштабное, значимое. Ночью это ощущение пропадает, ступени снова становятся просто ступенями, гранит обычным камнем. За стеклом видно охранника за стойкой лет двадцати пяти, одет в форменную рубашку. Судя по позе, смотрит в монитор, на меня внимания не обратил. Скорее всего, уже давно не смотрит, кто подъезжает к зданию и выходит из него в час ночи. Наверное, это часть работы, перестать замечать что-то обыденное.

Я подъехал, включил аварийку по привычке, хотя здесь не обязательно и ждал. Напротив стояло ещё одно такси, водитель откинулся на спинку и, кажется, спал, так как голова набок, руки на коленях. У дальнего въезда двое в рабочих куртках разгружали грузовик в тишине, слышно только звук ящиков глухой и ровный.

Я смотрел на них, и что-то в этом было правильное в том, как работа протекает в тишине без разговоров в час ночи и без зрителей. Они не замечали меня так же как охранник, словно каждый был в своём мире.

Она вышла через минуту.

Я узнал её по неспешной, спокойной, размеренной походке, сумка висела на одном плече, пальто расстёгнуто, хотя в апреле ещё ночи холодные. Шла прямо к моей машине, не оглядывалась, не смотрела в телефон.

Открыла заднюю дверь, села и поставила сумку на первый взгляд тяжёлую, вместительную на колени, скорее всего рабочая, с металлическим замком. Закрыла дверь аккуратно, не хлопнув. Это тоже заметил.

- Добрый вечер.

- Добрый, - ответила она.

Я поехал.

Музыку я не включаю уже давно, поначалу как-то включал, чтоб чем-то заполнить фон, потом понял, что без неё лучше. Тишина в машине отличается от той, что снаружи, здесь внутри она какая-то ограниченная, тёплая, своя. Пассажиры в ней как-то иначе держатся. Труднее объяснить, чем заметить, что с музыкой люди молчат иначе, словно сильнее закрываются, а без неё что-то меняется, хотя не сразу и не у всех.

Она смотрела в окно, я ехал.

Проспект в час ночи казался длиннее и свет какой-то свой ночной, чуть приглушённый, будто смотришь через матовое стекло. Витрины тёмные, аптеки светятся зелёным, который кажется слишком ярким и словно нездешним для пустой улицы. В конце квартала горела вывеска OPEN у кафе или что-то похожее, мимо которого я проезжал почти каждую ночь в этот год и никогда не видел его открытым, только вывеску, всегда одну и ту же. Может уже давно не работает, а вывеску забыли снять. Или работает, но не для тех, кто едет мимо.

Я остановился на красный светофор на Кирова. Рядом стоял припаркованный фургон с надписью на борту, буквы облезли наполовину, написано что-то про клининг. Из подворотни вышел кот, постоял на тротуаре, посмотрел на мою машину и пошёл в темноту, под припаркованные машины.

Она смотрела в окно, но не на кота и не на улицу, а словно сквозь неё, в какую-то свою точку. Это видно по человеку, по тому, как фокусируются глаза, как двигается или нет взгляд, направленный в окно. Видит ли человек что-то снаружи, или словно ни чего не замечает. У неё взгляд не двигался.

Включился зелёный сигнал, я поехал.

В зеркале заднего вида отражалось её закрытое тенью лицо, иногда освещаемое желтым светом фонаря. На вид лет сорок пять. Хорошее лицо с правильными чертами лица, в котором какая-то усталость не сегодняшнего дня, а словно она копилась годами и уже стала частью тебя.

Волосы убраны не аккуратно, будто она торопилась или просто не было желания. Несколько прядей выбились, которые она не поправляла.

Я смотрел на дорогу.

Меня быстро догнал и обогнал мотоцикл, впереди мелькнул только его красный фонарь и исчез. Дальше был только пустой проспект, фонари в одну линию, на тротуарах ни одного человека. Я знал, что где-то за домами проходит железная дорога, и каждые полчаса ночью там проходит что-то товарное, длинное. Я несколько раз застревал на переезде в три ночи и смотрел, как идут вагоны один за другим, и думал, что кто-то это всё везёт куда-то, и это нормально для меня не знать куда.

Она повела плечом не специально, сбросила что-то и переложила сумку немного поудобнее. Пальто на ней было хорошее, тёмно-синее, но помятое, будто несколько часов не снимала или несколько дней. Нет, не несколько дней, так как оно было чистое, просто у неё долгий день.

Я свернул с проспекта на Садовую не ту что с бизнес-центром, а на другую параллельную, здесь уже меньше фонарей и едешь как-то иначе, будто плотнее, деревья стоят ближе. В апреле деревья ещё голые, появились только набухшие почки, и в фарах они смотрятся странно, как антенны, как что-то ждущее.

Минут пятнадцать мы ехали молча.

Есть пассажиры, которые молчат всю дорогу и выходят, не сказав ничего кроме «спасибо», и это тоже полноценная поездка, ничего в ней нет неправильного. Просто везёшь человека из точки А в точку Б, и это достаточно, это работа. А есть такие, которые долго молчат, а потом начинают говорить, словно с ними во время поездки внутри что-то происходит. Я не знаю, как объяснить, но за три года научился различать.

На Комсомольской нам попался пьяный, который шёл по краю дороги, а не по тротуару, сбился немного с пути и вышел на проезжую часть, я притормозил заранее, он услышал машину, повернулся, посмотрел на меня без злости, и вернулся обратно на тротуар. Она не обратила внимания или наоборот, но не подала виду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.